

The program for the Philharmonic Society's emergency symphony concert (April 4) was entirely devoted to Rachmaninoff's compositions. Instead of the previously announced "Cliff" and "Spring," the program included the Second Symphony, recently performed by Nikisch. A comparison of the composer's performance of the symphony and Nikisch's would be too unfavourable for the latter, so I will not make this comparison. I will only point out that Rachmaninoff succeeded in imbuing all the movements of the symphony with so much life, so many bright, colourful moments, that he almost reconciled the listener to the protracted nature of the slow movements of the symphony. All these contrapuntal, harmonic, and instrumental beauties explained this prolixity, demonstrating that the composer evidently delighted in the resourcefulness of his imagination in developing the musical materials, but interest does not make one forget the duration of individual movements and the entire piece. "The Isle of the Dead" performed somewhat weaker; in its performance, the composer seemed to be saving his energy for the new Third Piano Concerto (in D minor). Much has already been said about this concerto, saying that it was a success for the composer, and these stories turned out to be true: Rachmaninoff's Third Concerto can without hesitation be called beautiful. The predominant character is elegy, a luminous elegy, which flows so naturally from Rachmaninoff's pen. The entire first movement, both main themes, are calm and contemplative. Anyone familiar with Rachmaninoff's lyricism, accustomed to his melodic style, and recollecting his broad, clear piano writing, will immediately find all the familiar features of Rachmaninoff's work in the Third Concerto and will be delighted to see that the composer's talent is as fresh and clear as it was in Rachmaninoff's best works. In its presentation, the 3rd concerto is not similar to the second: the main role is played by the piano, whose part is not presented flashily or effectively, but enchants with its beauty and elegant writing. The 2nd movement (intermezzo), which immediately leads into the finale, seemed to me rather fragmentary and the least beautiful. The finale, in the form of a march, is brilliantly written and sounds excellent, and the concluding D major leaves a wonderful impression with its broad, beautiful rise. The concerto was received excellently, although, whether due to the instrument or the manner of playing, the overall sonority of the piano was rather dry, and the orchestral accompaniment (Mr. Plotnikov) rather pale and not always precise. After the concert, the composer was applauded so warmly that he played preludes from Op. 23 as an encore.

Gr. Prokofiev.

[Translation: Google]

Программа экстреннаго симфон. концерта Филарм. Общ. (4 апрѣля) была цѣликомъ этдана композиціямъ Рахманинова. Вмѣсто объявленныхъ ранѣе «Утеса» и «Весны» въ программу включили II симфонію, недавно исп. Никишемъ. Сравненіе исполненія симфоніи авторомъ и Никишемъ будетъ слиш-комъ не въ пользу послѣдняго, такъ что этого сравненія я дѣлать не стану. Укажу только, что Рахманинову удалось придать всѣмъ частямъ симфоніи столько жизни, столько яркихъ красочныхъ моментовъ, что съ растянутостью медленныхъ частей симфоніи онъ почти примирилъ слушателя. Всѣ эти контрапунктическія, гармоническія, инстру-ментальныя красоты объяснили эту растяну-тость, показали, что композиторъ видимо лю-бовался находчивостью своей фантазіи, раз-рабатывая музыкальные матерьялы, но интересъ не заставляетъ забыть продолжи-тельности отдѣльныхъ частей и всего цѣлаго. Нѣсколько слабѣе прошелъ «Островъ смерти», при исполненіи котораго авторъ какъ бы берегъ свою энергію для

новаго, 3-го ф.-піаннаго концерта (d-moll). О концертѣ этомъ уже много говорили, рассказывали, что онъ удался автору и рассказы эти не оказались ложными: 3-й концертъ Рахманинова можно не обинуясь назвать прекраснымъ. Преобладающій характеръ элегія, свѣтлая элегія, которая такъ непринужденно выливается изъ подъ пера Рахманинова. Вся I часть, обѣ главныя темы-покойныя, созерцательнаго характера. Кто знаетъ рахманиновскую лирику, кто привыкъ къ его манерѣ вести мелодію, кто помнитъ его широкое, ясное ф.-піанное письмо, тотъ сразу найдетъ всѣ знакомыя черты рахманиновскаго творчества въ 3-мъ концертѣ и съ радостью убѣдится, что талантъ композитора такъ же свѣжъ, ясенъ, какъ онъ былъ свѣжъ и ясенъ въ лучшихъ вещахъ Рахманинова. По способу изложенія 3-й концертъ не похожъ на второй: главную роль играетъ ф.-піано, партія котораго изложена не крикливо, не эффектно, но чаруетъ своими красотами и изящнымъ письмомъ. 2-я часть (intermezzo), непосредственно переходящая въ финалъ, мнѣ показалась довольно отрывочной и наименѣе красивой. Финалъ-маршеобразнаго характера, написанъ блестяще, звучитъ отлично, а заключительный D-dur оставляетъ прекрасное впечатлѣніе широкимъ, красивымъ подъемомъ. Концертъ приняли отлично, хотя благодаря ли инструменту, или манерѣ игры, общая звучность ф.-піано была суховата, а оркестровое сопровожденіе (г. Плотниковъ) довольно блѣдно и не всегда точно. Послѣ концерта автору аплодировали такъ горячо, что онъ сыгралъ прелюдіи изъ ор. 23-го на bis. Гр. Прокофьевъ.